

К 75-летию Великой Победы

ОДНА 75 - ЛЕТНЯЯ ИСТОРИЯ ОБ ОКОНЧАНИИ 2 МИРОВОЙ ВОЙНЫ

История, не так давно случившаяся со мной, и на мой взгляд достойная изложения, требует того, чтобы никакие, даже самые, мельчайшие подробности из нее не были утеряны. Поэтому начну с самого начала...

Тот, кто знает меня, наверняка знают, что мой муж Дитрих Шрёдер – журналист одной из наиболее крупных газет Брандебурга „Märkische Oderzeitung“. Без него эта история не была бы известной, так как именно ему позвонил 94-летний немец Ханс-Вильгельм Блюме (Heinz-Wilhelm Blume) из Пайтца (Peitz) (рядом с г.Коттбусом/Cottbus). Этот преклонных годов немец сказал, что хочет поделиться одной историей, которую он пережил в самом конце войны – 10 апреля 1945 года, то есть 75 лет назад.

Фото 1. Ханс-Вильгельм Блюме (Heinz-Wilhelm Blume)

Как и многие тысяча немецких юношей того времени, он был в то время горячим поклонником Гитлера из округа Франкенштайна в Шлезии (сегодня - польское поселение Zabkowice Slaskie) и с особой гордостью находился в рядах Hitlerjugend, веря в идеологию фюрера.

Особенно ему нравилось культивирование спорта, как неотъемлемой части воспитания духа и тела будущих немецких господ мира. В 1943 году после окончания школы его направили помощником в военно-воздушные войска в Щетин (Stettin), затем в феврале он был переброшен на восточный фронт – в район Одера, известного как «Зееловские высоты». Читатель знает, что это место является исторически знаковым – здесь произошли самые горячие сражения, что требовало большого количества офицеров и солдат. В середине апреля он попал в самое пекло сражения, которое происходило в 22 километрах от Франкфурта в Райтвайне (Reitweiner Sporn), рядом с поселком Лебус. На тот момент Хансу-Вильгельму было всего 18 лет.

Как я уже выше отмечала, в эти апрельские дни шли ожесточенные бои между советской и немецкой армиями. Стоял страшный грохот: русские были в 300 метрах от немцев, забрасывая их гранатами. Многие из соратников молодого солдата были уже убиты. Рядом с ним осталось только двое его старших товарищей, командиром которых он был назначен. Грохот и свист снарядов был оглушительным, совсем рядом, создавая впечатления, что земля дрожала и взрывалась у них под ногами. Ожидая ежесекундной смерти, Хайнс-Вильгельм был настолько деморализован, что думал только о том, чтобы поскорее все закончилось. Он не знал останется он в живых или нет, но жить хотелось, как никогда. Солдаты как могли отстреливались, пока рядом не взорвалась граната, по плечи, почти полностью засыпав всех троих землей. Юноша лежал и слушал внезапную тишину... Вдруг у него над головой запели птицы – лерхи (жаворонки), что было неестественно и как-то диковато: небесные создания не ведают, что идет война, тысячами гибнут люди, а их матери плачут от бессилия и невозможности защитить своих

сыновей. Жаворонки вне этого страшного мира! Своей песней они несут любовь к нему, к миру, который должен жить вечно без войн, смертей и страданий. Молодой человек почувствовал невероятный прилив сил: птицы пробудили в нем желание жить, жить не абстрактно когда-то, а сейчас, сию минуту и долго, долго, долго... Ему вспомнилось свой детство, свой дом: как он совсем маленьким играет на лужайке, а мама, с только ей одной ведомой любовью гладит его по голове... Ханс-Вильгельм с содроганием ощутил небывалое ранее чувство: война – не романтика, суровая реальность смерти, беспощадно сжигающая все на своем пути; война – то зло, которое должно быть уничтожено и которое больше никогда не должно повториться.

Юноша не знал сколько минут он так пролежал: мысли путались и время куда-то безвозвратно улетало, тянув все его естество за собой. Вероятно, он долго бы так лежал, отвлеченным взглядом созерцая на высокое голубое небо, как вдруг над ним склонилась лицо русского солдата, который внимательно и серьезно смотрел на него: жив или нет. Глаза в глаза несколько секунд они глядели друг на друга, пока русский солдат не произнес: «Ури есть?» («часы есть?»). Ханс-Вильгельм мотнул головой – его часы еще несколько дней назад сломались. Русский солдат стал разгребать землю: вытащить оглушенного и деморализованного юношу было не просто – он тащил его, а земля разлеталась во все стороны, отрывая по ходу все пуговицы. Ханс-Вильгельм: «Когда он меня, наконец, вытащил, я показал солдату на своих, засыпанных землей, товарищей. Их мы уже вместе откопали с его другим русским солдатом. После он проверил мои карманы и вытащил две сигаретницы. Достал сигарету и поделился со своим товарищем. Потом поделился с нами. Первое, что мы сделали, символически закурили, всеми легкими вкушая

аромат весеннего воздуха и наслаждаясь, посланной Богом, передышкой. Сидели и курили молча: разговор как-то не клеился – и языками не владели, да и желания особого не было, хотя чувство определенной благодарности к солдатам вражеской армии присутствовало. Покурив, они знаками указали нам дорогу, по которой мы должны идти, а также знаками объявив, что мы пленные, и что мы должны теперь сдаться в плен. Когда мы шли, я думал, что они нам сейчас выстрелят в спину, но выстрела так и не прозвучало. Не выдержав, я оглянулся: солдаты прокладывали кабель, не обращая никакого внимания на нас. Это были связные.»

Однако не прошло и нескольких минут после «счастливого» освобождения немецких солдат из земляного плена, по ним начали стрелять. Стреляли свои – люди из СС (SS). Практика контроля над желающими дезертировать или переметнуться на сторону противника с возможной их ликвидацией была во многих армиях мира. В частности, в Советском Союзе – это были, так называемые «заградотряды», курируемых руководством НКВД и непосредственно руководством армейских соединений РККА, в Германии же – аналогичные спецподразделения СС. Полномочия, данные им высшим руководством своих стран, были весьма обширны, что позволяло держать под контролем общую ситуацию, во многих случаях избегая паники и ее последствий. Ханс-Вильгельм: «На наше счастье они в нас не попали, и мы втроем смогли живыми перейти линию огня – на сторону русских».

Молодого немецкого солдата потрясло, что русские землянки, окопы и траншеи были намного лучше и аккуратней, чем немецкие. Но больше всего его шокировало, что в этих траншеях в несколько слоев лежали груды синие трупы человеческих тел русских солдат, которым было уже, может пару недель, может и больше, а

живые, как ни в чем не бывало, по ним ходили. Когда юноша отказался по ним пройти, в спину его толкнул майор и ему, как и всем остальным, пришлось идти по этим трупам. Майор, под чье командование они попали, и, который хорошо знал немецкий, сразу предупредил его, что теперь война для него закончилась. И он, как и все остальные пленные, 5-10-15-20 лет – сколько потребуется, будет работать на Россию до тех пор, пока они не восстановят все, что во время войны уничтожили. Эти слова он, 18-летний парень, который был уверен в победе немцев, запомнил на всю свою жизнь.

Далее история Ханса-Вильгельма была похожа на историю тысяч немецких военнопленных, которые должны были на русской территории помогать возводить дома, восстанавливать мосты, строить железные дороги и другие объекты инфраструктуры, уничтоженные во время войны. Как пленный, он начал свою работу дровосеком в маленьком городке Drossen (сейчас польская территория, г. Ожно). И, хотя работа была очень тяжелой, питание было скудным, но иногда давали картофель и даже конское мясо. 15 апреля было объявлено, что «завтра начнется большое наступление на Берлин через Зееловские высоты – после этого войне будет капут».

Справка: только в период с 16 по 19 апреля 1945 года на территории Зееловских высот погибло 45 000 военнослужащих, из них – около 33 000 советских и 12 500 немецких.

В конце апреля немецкие пленные должны были возвести новый железнодорожный мост во Франкфурте-на-Одере, вместо сожженного старого. Мост был сделан с большим трудом, так как

пришлось пролагать новые шпалы с принятой в России шириной – для поездки Сталина, как победителя, в Берлин. Это было

выполнено: Сталин встречался в Потсдаме на конференции со всеми представителями стран - участниц войны.

После окончания войны Ханс-Вильгельм был отправлен в Карелию на финско-русскую границу, где ему пришлось работать с русскими заключенными – бывшими немецкими пленными, считавшимися в Советском Союзе предателями. Тяжелая изнуряющая работа, постоянный голод, холод, вши, унижения и побои со стороны надзирателей – и это далеко не все, что пришлось испытать молодому человеку за эти годы. Но, он познакомился с душой простого русского человека: «После того, как война забрала у них почти все, что было, эти люди ничего больше не хотели, кроме мира. Отношение к нам было двоякое: сначала – ненависть и отторжение, затем – открытое и доброжелательное. Что касается врачей, то некоторые относились к нам очень неплохо».

Только 15 апреля 1949 года Ханс-Вильгельм сумел вернуться к своим родителям. «Мне нужно было долго привыкать к нормальной жизни и только после недели постоянного потребления пищи, я смог утолить голод». Пройдя через многолетний голод, молодой человек

знал цену каждой крошке хлеба, каждой капле воды. Когда после окончания техникума в 1953 году в Пайце (Peitz, земля Бранденбург) он принял руководство рыбным хозяйством, за короткое время подняв производство до высокого уровня под девизом, впоследствии ставшим его жизненным кредо: «Никто не должен умереть от голода!» С некоторых пор пайцы считают одним из наиболее важных в городе рыбный праздник, некогда введенный Хансом-Вильгельмом в традицию. В 2019 году он был награжден орденом Земли Бранденбург, который, как он считает, обязан двум русским солдатам-связистам, вытащившим его из земляного завала.

Такова история одного из солдат вермахта, воевавших на немецкой территории против русских, немецкий вариант которой можно прочитать в газете «**Märkische Oderzeitung**» от **02.04.2020, 4 Seite (Politik)** «**Als Erstes rauchten die Russen eine mit uns**» von **Dietrich Schröder** или на сайте **www.moz.de**

Но наша история на этом не заканчивается. Благодаря моему супругу, она получила яркое продолжение...

Дитриха очень тронула история Ханса-Вильгельма и он предложил мне на выходные посетить Райтвайн-Шпорн, где было описываемое сражение, чтобы посмотреть на это место и попробовать представить себе воочию то ужасное время, а заодно послушать жаворонков, которые в эти апрельские дни, как и 75 лет назад, должны распевать свои песни.

Когда мы туда приехали, а это 20 минут езды от Франкфурта, то ужаснулись: как удобно было немцам с холма расстреливать русских солдат, находящихся в зоне прямой видимости. Оценив ситуацию, Дитрих сказал, что командующий Жуков должен был быть настоящим нечеловеком, если смог послать на убийство столько тысяч людей, зная, что те никак не смогут себя защитить. И, к нашему

большому сожалению, это печальная правда: Жуков рассчитывал победить людьми, победить жизнями, а вернее смертями русских солдат и офицеров, в связи с возможной нехваткой боеприпасов у противоборствующей стороны. Для нас осознание этого было ужасно, хотя доподлинно известно, что «маршал Победы», как его впоследствии стали называть, все последующие годы жизни очень об этом сожалел...

Между тем природа располагала спокойствием и умиротворением: витавшие над полем жаворонки выводили звонкую песню любви и счастья. Красота природы в их музыкальном сопровождении дышала миром и гармонией, что плохо сочеталось с адским по мере своего зла временем войны. Нам было трудно себе представить, что этот аккуратно ухоженный островок природы был когда-то иным.

А затем мы посетили землянку (бункер) самого маршала Жукова, который находился в те страшные дни в Райтвайнер-Шпорне (Reitweiner-Sporn).

Затем мы приехали на окраину деревни, где находится большое красивое ухоженное русское кладбище второй мировой войны и вошли в небольшую рощу, окружающую весь холм. Указатели, имеющиеся в начале пути, закончились в месте расхождения дороги: там нет указателя и многим, наверняка, трудно найти дорогу к воинскому кладбищу. Роща же тоже находится в плачевном состоянии: много выкорчеванных деревьев, множество от упавших снарядов до сих пор не заросших рвов. Отчетливо бросается в глаза то, что в аккуратно выкопанных длинных траншеях до сих пор ничего не растет. Создается такое впечатление, что сама мать-земля плачет по своим рано ушедшим сыновьям... Зато высокие худые деревья растут по всему холму и тихий их шелест утопает в нескончаемом пении жаворонков.

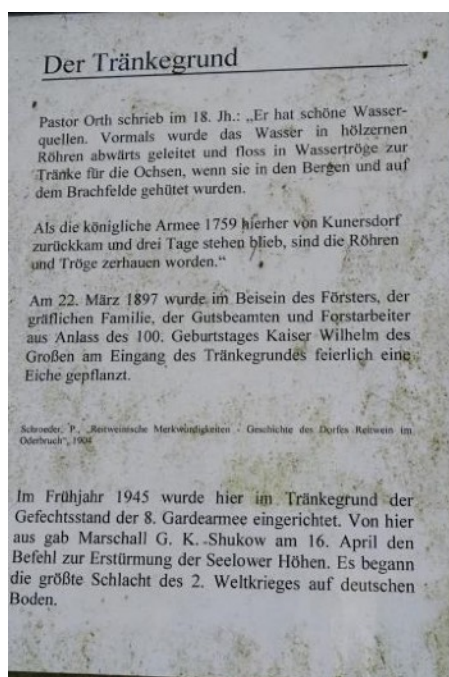

Вдоволь налюбовавшись охапками фиалок и **лютеницей (уточнить о каком растении идет речь? Лютеница – это болгарская закуска) может васильков?**, украшавших склон холма, мы с Дитрихом взошли на так называемую «маршальскую высоту», заглянули в забитую бревнами землянку, и поднялись на то место, откуда Жуков давал указания наступления советской армии на Зеелов, а затем на Берлин. Перед нами открылась многокилометровая панорама, где вдалеке, но довольно отчетливо в эти апрельские сухие дни можно было увидеть не только городок Зеелов, но даже Кюстрин (Küstrin). Это действительно был лучший пункт наблюдения, что достаточно сложно изначально представить от небольшого по высоте утёса. Надо сказать, что видеть некоторые детали мешали выросшие деревья, но они нам и не были нужны – ведь не война все-таки.

Пока спустившись вниз, мой муж пошел через весь холм – ему хотелось узнать, что там дальше, я потихоньку тронулась назад к машине, на ходу пытаюсь сосчитать – сколько же рвов (от снарядов) здесь находится. Как оказалось – их более 20, да и то только те,

которые встретились на пути. Махнув рукой, я решила сфотографировать дорогу.

Передо мной открылась старая табличка. Из этой таблички, находящейся в 30 метрах от землянки, я смогла узнать, что когда-то давно – еще в средние века с этих холмов из чистого источника по деревянным трубам бежала вода, доходившая до подножия горы и предназначенная для питья скота. Потом одна королевская армия, возвращаясь из Кунерсдорфа в 1759 году уничтожила их. Далее из таблички следует, что 22.03.1897 г. один лесник, происходивший из семьи графов, в честь 100-летия короля Вильгельма Великого посадил на этом месте дуб, но тот тоже несколько лет назад с корнями был выкорчеван ветром. Однако самого источника я так и не увидела – наверное, тоже уже со временем исчез... Конечно, история может быть мелковата для ознакомления ее с большой аудиторией, но она говорит нам о том, что именно здесь проходила кратчайшая дорога на Берлин, а не через Кюстрин, и не через наш Франкфурт. Заранее отвечаю тем, кто мог бы задать вопрос: почему битва не произошла, например, во Франкфурте, хотя там был мост, а именно на

Зееловских высотах? Многие ведь знают, что из-за быстрого течения и множества воронок переплыть Одер очень опасно, хотя во Франкфурте должен был находиться мост. Так вот, немцы его заранее уничтожили, и самый короткий путь в Берлин проходил тогда именно здесь – между Кюстрином и Франкфуртом. Да и сейчас немцы называют эту дорогу – «старой берлинской дорогой», которая напрямую приведет нас на Александер Платц и она до сих пор намного короче, чем дорога в Берлин по автобану.

Сделав пару фотографий и видео с комментариями, я хотела уже уходить, как вдруг услышала откуда-то издали быстро приближавшийся шум. Я не сразу поняла, что это ветер. Он был так близок, что я могла до него дотронуться рукой, хотя стояла в полном замешательстве. Ветер вихрем вертелся в каком-то бешеном танце, подняв передо мной на большую высоту прошлогодние сухие листья, а затем, немного покрутив их в воздухе, плавно в разные стороны, как салют, сбросил их на меня. Это было невероятно завораживающе и красиво! У меня захватил дух от этого мистического зрелища. Я стояла, замерев вначале от удивления, потом поняв, что это нечто необычное, – от восхищения. Удивительно, что ни до этого мгновенья, ни после этого никакого ветра не было! Он вихрем шумно появился из ниоткуда и также внезапно исчез в никуда! Он был передо мной: ни справа, ни слева, ни сзади, а прямо передо мной – метрах в 1,5-2, не более!!! Это был знак!!! Это был символ чего-то!!! Причем Разумного!

Этой историей я поделилась со своим санкт-петербургским другом, на что он предположил, что это могут быть души тех не найденных солдат, погибших в этих местах, и, которые таким образом хотели мне сказать, что их надо тоже похоронить по-человечески или хотя бы провести церемонию захоронения.

А ведь, действительно, несмотря на 75-летнее окончание войны, до сих пор в этих местах находят человеческие останки и, после попытки идентификации, отдают на перезахоронение на немецкое или русское кладбища, которых в этом округе очень и очень много... Только вот ни одно из этих русских кладбищ никогда не освящалось – на этой немецкой территории не было православных христиан. А надо сказать, что большинство погибших здесь русских солдат, было рождено еще в те времена, когда церкви в России играли первостепенную роль в жизни наших людей, поэтому они все, кроме евреев и мусульман, были православными.

Этот же утёс (Sporn – переводится еще и как утёс), видимо, так и не был со времен войны тронут, что сразу бросается в глаза по его внешнему виду: много глубоких ям (рвов) от снарядов, аккуратно вырытые траншеи в человеческий рост, в которых до сих пор не растут деревья и грустное безмолвие... Видимо, многие души русских, а может и немецких солдат, не похороненных когда-то, витают над этим местом. И если государство до сих пор не приняла на себя заботу по поиску жертв той жестокой войны, то может хотя бы нужно освятить это место, проявив, пусть в XXI веке, сострадание и человеколюбие?

Так что, друзья,

получается, что те сухие листья, кружась на одном месте – это не упокоенные души наших русских солдат, пойманные в сети этого места...

Вот такая удивительная история произошла 04.04.2020 г. в местечке близ Reitwein-Sporn в преддверии празднования 75-летия Великой Победы над мировым фашизмом, поведанной нам одним из последних живых свидетелей того времени Heinz-Wilhelm Blume. Ваша Елена Шрёдер.

